

Никита Сергеевич Гордеев

*Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

E-mail: nikita-rus73@mail.ru

Аргументация в судебных решениях по «экстремистским делам» как показатель правовой культуры правоприменителя

Аннотация: в статье на примере приговоров по экстремистским преступлениям, решения о признании религиозной группы экстремистской организацией и запрете ее деятельности анализируются понятия и термины, которые являются частью аргументации в судебном решении, отражают правовые и политические аспекты противодействия экстремизму в России. Сделан вывод о том, что введение в текст судебного решения спорных неправовых дефиниций свидетельствует о значительных трудностях, возникающих у правоприменителя, причины которых во многом обусловлены несовершенством антиэкстремистского законодательства и методов судебной экспертизы по рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: правовая культура, правоприменение, религиозный экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская идеология.

Nikita Sergeevich Gordeev

*Post-graduate student of the Department of criminal and criminal
executive law at the Saratov state law Academy*

Reasoning in Judicial Decisions on «Extremist Matters» As an Indicator of the Law Enforcer's Legal Culture

Annotation: in article on the example of sentences for the extremist crimes, the decisions on recognition of a religious group extremist organization and a ban of its activities, one analyzes the concepts and terms that are a part of the reasoning in the judgment, reflect the legal and political aspects of counteracting extremism in Russia. It is concluded that the introduction into the text of the court decision the disputed non-legal definitions demonstrates the significant difficulties encountered by a law enforcer, the causes of which are largely determined by shortcomings in anti-extremist legislation and methods of judicial examination on the given category of affairs.

Keywords: legal culture, law enforcement, religious extremism, extremist activity, extremist ideology.

Противодействие экстремизму в России остается направлением работы правоохранительных органов, характеризующимся чрезвычайно низкой научной (в том числе криминологической) обоснованностью принимаемых решений. Это, в свою очередь, прямым образом отражается на качестве судебных актов, их законности и обоснованности, которые рассматриваются в науке как индикаторы уровня правовой культуры правоприменителя, как содержательная характеристика правовой культуры органов судебной власти в целом¹. Именно судьи должны вызывать к жизни «новую прогрессивную юридическую практику» и, тем самым, стимулировать совершенствование законодательства,

¹ См.: Зотов А. П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 150.

его единообразное и правильное понимание и применение¹. Это обусловлено тем, что при осуществлении правосудия суд должен стремиться к достижению «не исторической, социальной, моральной и какой-то еще, а правовой справедливости»². Между тем, анализируя ряд судебных решений по «экстремистским делам», можно встретить довольно широкое использование в мотивационной части спорных с точки зрения права понятий и терминов.

В романо-германской правовой системе судьи должны применять действующее законодательство к реальной ситуации. Возникает вопрос: могут ли при некачественном законодательстве существовать качественная судебная практика или качественные судебные решения, а непрофессионализм законодателя — компенсироваться профессионализмом представителей судебной власти³. В случае с судебными решениями по «экстремистским делам», однозначно, нет.

В пункте 11 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.⁴ среди наиболее опасных разновидностей экстремизма назван религиозный экстремизм. Данный термин часто упоминается в российских нормативных актах⁵, однако неопределенность с правовой точки зрения приводит на практике к попыткам его толкования в контексте религиоведения. Так, например, в республиках Северного Кавказа, как синонимичный с религиозным экстремизмом, используется термин «ваххабизм»⁶. Такой подход встречается и при рассмотрении «неэкстремистских» составов преступлений, например, предусмотренных ст. 222 УК РФ⁷. Следует отметить, что специальный закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» давно критикуется в том числе за употребление терминов «ваххабизм» и «ваххабитская деятельность». Очевидно, что судебная практика не способствует в данном случае унификации понятий.

Ситуация, схожая с вышеуказанной, сложилась и с термином «секта», используемым судами для обозначения религиозного объединения⁸, что во многом является следствием привлечения некомпетентных экспертов. Так, например, логично, что руководитель «информационно-консультационного центра

¹ См.: *Карташов В. Н., Баумова М. Г.* Правовая культура: понятие, структуры, функции. Ярославль, 2008. С. 135.

² *Боннер А. Т.* Законность и справедливость судебного решения // Советское государство и право. 1978. № 2. С. 26.

³ См.: *Примаков Т. К.* Совершенствование законодательства и судебной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2014. № 4. С. 13–17.

⁴ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753 // Совет безопасности Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 20.02.2016).

⁵ См.: О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан : закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 15 (в ред. от 9 марта 2007 г.) // СПС «Консультант. Региональное законодательство».

⁶ См.: Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан по делу № 17/2012 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-dagestan-respublika-dagestan-s/act-401012049/> (дата обращения: 10.03.2016).

⁷ См.: Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 16 марта 2012 г. по делу № 1-42/12 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-shalinskij-gorodskoj-sud-chechenskaya-respublika-s/act-104679936/> (дата обращения: 10.03.2016).

⁸ См.: Приговор Ленинского районного суда г. Уфы от 9 декабря 2013 г. а по делу № 1-130/13 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-ufy-respublika-bashkortostan-s/act-436513239/> (дата обращения: 10.03.2016).

по вопросам сектантства» признал «Преображение России» «...деструктивной сектой — антисоциальной структурой, которая наносит вред человеку», а проведенная религиоведческая экспертиза установила, что «Преображение России» в своей основе имеет учение псевдохристианской харизматической эклектической секты, представляет социальную опасность для общества и государства, имеет черты тоталитарной секты (деструктивного культа)¹. Суд обратил внимание, что среди экспертов был преподаватель спецкурса «Психология сектантства», который не являлся религиоведом и, соответственно, часть выводов в религиоведческом заключении выходит за пределы его специализации.

Представляет интерес приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 13 декабря 2010 г. по делу № 1-830/2010, в котором было установлено, что «воздействуя на сознание и волю осужденных, Гаянов Б. М. ... вводил их в религиозное заблуждение, подменяя традиционное в исламе понятие распространения этой религии в обществе идеями подстрекательства к организованной антиконституционной деятельности на территории Российской Федерации, основанными на доктрине неперемного поэтапного создания теократического унитарного государства — Всемирного Халифата, противоречащей традиционному толкованию в исламе, обосновывающей и оправдывающей необходимость упразднения органов государственной власти, нарушения суверенитета и государственной целостности Российской Федерации, совершения действий, направленных на насильственный захват власти и насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации»². Такой вот необычный симбиоз решения богословских вопросов о том, какое понятие распространения ислама является традиционным, что из приведенного противоречит традиционному толкованию ислама, с квалификацией действий обвиняемого с позиций уголовного закона.

Не понятно также, что подразумевается в вышеуказанном примере под религиозным заблуждением. В религиоведении проводится разграничение между квазирелигиозностью (например, культ личности) и религиозностью как отражением состояния сознания верующих в сверхъестественное, выступающим объектом поклонения³. Между тем вопрос о том, могли ли сторонники Б. М. Гаянова «религиозно заблуждаться», довольно сложен и может быть решен, скорее, в диспуте с участием исламских богословов. Полагаем, что суду в данном случае следовало построить свою аргументацию на том факте, что Б. М. Гаянов использовал отдельные положения исламского вероучения (указав конкретно, какие) в целях формирования экстремистской идеологической концепции, обосновывающей совершение определенных противоправных действий.

Следует полностью согласиться с А. П. Зотовым в том, что судебная практика способна аккумулировать в себе, в вырабатываемых в результате судебной деятельности правилах универсальные стандарты нормативного

¹ См.: Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово от 11 апреля 2013 г. по делу № 1-29/2013 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-rudnichnyj-rajonnyj-sud-g-kemerovo-kemerovskaya-oblast-s/act-457699929/> (дата обращения: 10.03.2016).

² Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 13 декабря 2010 года по делу № 1-830/2010 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-barnaula-altajskij-kraj-s/act-100180238/> (дата обращения: 10.03.2016).

³ См.: Религиоведение : Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 515, 868.

равенства и справедливости¹. Однако, когда дело касается какой-либо «антирелигиозной деятельности», судьи неоднозначно толкуют действия обвиняемых. Так, в приговоре Центрального районного суда г. Тюмени от 4 апреля 2013 г. по делу № 1-83/2013 было отмечено, что «отрицательное отношение к религии, ее неприятие в любых формах способно сформировать враждебность в обществе, отрицательное отношение атеистов к верующим и наоборот, может оскорбить верующих и, в принципе, породить межрелигиозную рознь»². В другом случае обвиняемый, который являлся «приверженцем антирелигиозных идей», в Интернете распространял, по мнению суда, «выражения экстремистского и антихристианского характера, поскольку являлся сторонником славянского язычества»³. Складывается впечатление, что суд разграничивает экстремистскую и антирелигиозную деятельность, тогда как выделение последней вообще неуместно. Очевидно, что должны быть отмечены и наказуемы лишь те формы «отрицательного отношения к религии», которые содержат в себе признаки административного правонарушения или преступления. В приговоре Центрального районного суда г. Тюмени суд посчитал, что любое неприятие религии способно привести к конфликтам в обществе и, следуя данной логике, содержит в себе признаки экстремизма. В результате обозначенного подхода именно в судебной практике впервые стало часто указываться на верующих, чувства которых могут «по-особенному» оскорбляться. Вызывает также удивление, что суд, говоря об отрицательном отношении атеистов к верующим, в качестве последствия указывает межрелигиозную рознь.

Противодействие экстремизму существенно повысило роль экспертизы всех видов, поскольку экспертное заключение нередко выступает основным доказательством по делу. В сборнике «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок», подготовленном Институтом государства и права РАН СССР, были выработаны рекомендации для оценки заключения эксперта в целях недопущения судебных ошибок. Во-первых, судья должен тщательно проанализировать заключение эксперта и сопоставить его с другими доказательствами по делу. Во-вторых, судье необходимо выяснить, на каких научных данных основано заключение эксперта, какие методы исследования были применены, соответствуют ли они современным возможностям и данным науки и т. д. При этом, как отмечал М. И. Авдеев, «...ответственность суда еще более возрастает, особенно когда экспертиза проводится по вопросу, от правильного разрешения которого зависит вынесение обвинительного или оправдательного приговора»⁴. Распространена практика при рассмотрении дел по экстремистским преступле-

¹ Зотов А. П. Указ. соч. С. 156.

² Приговор Центрального районного суда г. Тюмени от 4 апреля 2013 г. по делу № 1-83/2013 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-tyumeni-tyumenskaja-oblast-s/act-448136819/> (дата обращения: 10.03.2016).

³ Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16 декабря 2013 г. по делу № 1-1291/2013 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-surgutskij-gorodskoj-sud-xanty-mansijskij-avtonomnyj-okrug-s/act-481008573/> (дата обращения: 10.03.2016).

⁴ Авдеев М. И. Ошибки суда в проведении экспертизы, оценке заключений экспертов и вещественных доказательств // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 2. М., 1975. С. 163.

ниям, о признании информационных материалов или организаций экстремистскими, когда судья переносит в решение текст из заключения эксперта без соответствующей ссылки. В результате этого судебное решение теряет правовую определенность, а выводы кажутся необоснованными.

Ярким примером является решение Верховного суда Республики Мордовия о признании религиозной группы «Благородный Орден Дьявола» экстремистской организацией и запрете ее деятельности. В данном решении «сатанизм» интерпретировался как «...идеология поклонения злу: насилию, растлению, убийству, самоубийству, характеризующаяся отсутствием внутренних сдерживающих начал»¹. Часто использовался термин «секта», к характеристике которого, по мнению суда, отнесены нетерпимость к традиционным конфессиям (христианству), наличие в документах таких призывов, как отказ от христианства, христианских норм и принципов, «построение нового (темного) мира побуждения к совершению негативных (неодобряемых) поступков»².

А. Т. Боннер отмечает, что «не вполне совпадающие правовая, социальная и нравственная характеристики обстоятельств дела объективно служат в некоторых случаях предпосылками к нарушению закона и разрешению спора по соображениям моральной или социальной справедливости. В подобной ситуации суд пытается подменить законодателя, придавая значение юридических фактов безразличным в правовом отношении обстоятельствам»³. В решении Верховного суда Республики Мордовия акцент сделан на то, что сатанизм представляет собой религию, основанную «...на принципах, противоположных христианству... Дьявол христианства становится богом сатанистов, христианские добродетели рассматриваются как пороки, а пороки как добродетели. Жизнь понимается как непрерывная борьба между силами света и тьмы, где сатанист сражается на стороне тьмы, веруя, что, в конце концов, она одержит победу»⁴. На этом фоне заключение о том, что сатанинские культы выступают в качестве наиболее криминогенной разновидности деструктивных культов, «даже на фоне других тоталитарных религиозных организаций», выглядит довольно малоубедительным. Между тем в судебном решении не была должным образом обоснована именно криминогенность (как потенциальная возможность стать причиной преступлений) идеологии сатанизма, скорее, в общих фразах говорилось о ее аморальности. Хотелось бы отметить, что создатели и участники указанной группы обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ч. 2 ст. 239, ч. 2 ст. 116, ст. 131, ст. 134, ст. 135 УК РФ. В решении Верховного Суда Республики Мордовия были упомянуты деяния, практикуемые сатанистами вообще (например, убийство, самоубийство), но не нашедшие подтверждения в деятельности «Благородного Ордена Дьявола». Полагаю, что если речь идет о признании

¹ Решение Верховного суда Республики Мордовия по делу № 3-11/2010 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-105218488/> (дата обращения: 10.03.2016).

² Там же.

³ Боннер А. Т. Указ. соч. С. 27.

⁴ Решение Верховного суда Республики Мордовия по делу № 3-11/2010 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-105218488/> (дата обращения: 10.03.2016).

конкретной группы или организации экстремистской, то необходимо установить связь между положениями учения группы (организации) (например, на основе анализа используемых в ходе ее деятельности материалов) с формированием мотивов преступлений и особенностей их совершения участниками (например, особая жестокость в ходе ритуального убийства). В таком случае доводы суда будут гораздо более убедительными.

Таким образом, в судебных решениях по «экстремистским делам» можно отметить довольно низкий уровень аргументации, в том числе в силу использования терминов и понятий, которые не конкретизированы с правовой точки зрения. С одной стороны, это подтверждает, что экстремизм является многоаспектным и сложным явлением, требующим более детальной научной разработки. И, исходя из этого аспекта, важно упорядочивание системы юридического образования, подготовки и переподготовки с учетом разработанных учеными программ и методик. С другой стороны, со всей очевидностью проявляется проблема качества нормативной основы и практики противодействия экстремизму. Ситуация усложняется тем, что власть при разработке «антиэкстремистских законов» нередко интересуется не правовые последствия, а политический эффект. Следствием этого выступает противоречивость судебной практики, свидетельствующая о низком уровне правовой культуры правоприменителя.

Пристатейный библиографический список

1. Боннер, А. Т. Законность и справедливость судебного решения // Советское государство и право. — 1978. — № 2. — С. 22–30.
2. Зотов, А. П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Зотов. — Саратов, 2002. — 192 с.
3. Карташов, В. Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова. — Ярославль : ЯрГУ, 2008. — 200 с.
4. Примак, Т. К. Совершенствование законодательства и судебной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. — 2014. — № 4. — С. 13–17.
5. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 2. — М. : Академия наук СССР : Институт государства и права, 1975. — 297 с.

References

1. Bonner, A. T. Zakonnost' i spravedlivost' sudebnogo reshenija [The legality and fairness of a judicial decision] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1978. — No. 2. — P. 22–30.
2. Zotov, A. P. Pravovaja kul'tura organov vlasti v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk [The legal culture of the authorities in the Russian Federation : dis. ... candidate of legal science] / A. P. Zotov. — Saratov, 2002. — 192 p.
3. Kartashov, V. N. Pravovaja kul'tura: ponjatie, struktury, funkcii [Legal culture: concept, structure, functions] / V. N. Kartashov, M. G. Baumova. — Jaroslavl' : Jaroslavl State University, 2008. — 200 p.
4. Primak, T. K. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva i sudebnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Improvement of legislation and judicial activities in the Russian Federation] // Mirovoj sud'ja. — 2014. — No. 4. — P. 13–17.
5. Jefferktivnost' pravosudija i problema ustraneniya sudebnyh oshibok. Ch. 2. [The effectiveness of justice and the problem of eliminating judicial errors. Part 2.] — М. : Akademija nauk SSSR : Institut gosudarstva i prava, 1975. — 297 p.